

— Это всё военные награды, да? Каких степеней? Хе-хе, выглядят впечатляюще. Я должен хорошенько их рассмотреть.

Ло Си прошёл мимо Фу Синьдуна, слегка задев его плечом, оставив после себя лёгкий шлейф аромата, который витал в воздухе, пока мужчина чувствовал лёгкое разочарование.

Фу Синьдун с лёгкой грустью последовал за Ло Си к перегородке.

— Какие военные награды? Ты всё перепутал. Это награды за раскрытие крупных дел в прошлые годы. Некоторые — за третью степень, некоторые — за вторую. Сначала я радовался, но со временем это стало обычной работой.

Хотя покачивание головы Ло Си вызвало у Фу Синьдуна лёгкое разочарование, его спокойное лицо и сдержанные слова не выдавали этого.

— Эти награды точно нелегко получить. Ты же следователь, имеешь дело с отчаянными преступниками. Наверное, ты тоже получал ранения? — Когда Ло Си задал этот вопрос, в его голове всплыла широкая и мощная спина Фу Синьдуна. В памяти он не видел явных шрамов.

Фу Синьдун посмотрел на него. Их взгляды встретились, и он вдруг почувствовал порыв, подняв свою футболку.

— Смотри.

Чёрные глаза Ло Си широко раскрылись. Мощная спина Фу Синьдуна уже прочно засела в его памяти, а теперь перед ним внезапно оказалась сильная грудь, которую он не успел рассмотреть, так как Фу Синьдун быстро надел футболку.

Было видно, что это тело прошло серьёзную физическую подготовку.

Его тело было сильным, но не перекачанным, с чёткими линиями мускулов. Хотя он не был слишком крупным, в нём чувствовалась невероятная мужская энергия.

Только на поверхности его загорелой кожи, на правой груди, правом плече и левой стороне рёбер, оставались явные коричневые шрамы.

В жёлтом свете лампы взгляд Ло Си медленно скользил по этим шрамам. Возможно, он выпил слишком много супа, и вся кровь прилила к желудку, потому что в этот момент он почувствовал лёгкое головокружение.

Это головокружение лишило его обычного контроля над телом. Не осознавая этого, он поднял руку, и его длинные, нежные пальцы медленно протянулись к обнажённой груди мужчины перед ним.

Самый большой шрам был на правой груди, и его цвет казался самым тёмным. Ло Си нежно провёл пальцем по неровному шраму, аккуратно царапая его ногтями, словно пытаясь силой пальцев стереть его с горячей груди.

— Это было, когда я преследовал убийцу, который застрелил трёх человек. Он выстрелил мне в спину. Я пролежал в больнице два месяца.

Фу Синьдун тихо говорил, его глаза жадно смотрели на лицо Ло Си.

Он не ожидал, что красивый парень перед ним вдруг протянет руку и начнёт его трогать. Это

прикосновение заставило его сердце бешено биться, словно бурное море в шторм.

Он чувствовал, как пот стекает по лбу, как он сглатывает, чувствовал, как его тело непроизвольно реагирует на мужскую силу.

Ло Си вдруг отдернул руку, которая гладила мускулистую грудь Фу Синьдуна, и слегка приподнял край своей футболки.

Фу Синьдун замер, прищурился глазами, и увидел, как парень слегка повернулся, указывая на свою татуировку на боку.

— А я думаю, твои шрамы красивее, чем моя татуировка.

Кровавая татуировка и коричневые шрамы переплетались в жёлтом свете, словно чёрные брови и красная точка между ними, как цветы рододендрона, растущие в трещинах коричневых скал горы Хуаншань.

Ло Си опустил футболку, скрыв ярко-красный цвет. Его взгляд снова задержался на кубках и медалях.

— Фу...

Почему-то он не мог произнести привычное обращение.

— ...Когда здесь появится ещё одна награда?

Фу Синьдун отвёл взгляд от талии Ло Си.

— Не знаю. Возможно, скоро. Тот маньяк, который убивает в Цзинбэе, — это самый большой вызов в моей карьере. Но, возможно, именно он добавит сюда ещё одну награду.

Он усмехнулся, похлопав себя по груди.

— Надеюсь, здесь не появится ещё один шрам.

Ло Си скривился, бросив на него взгляд.

— Не говори глупостей!

За окном ночь становилась всё глубже. Ло Си взглянул на часы.

— Спасибо за суп, дядя полицейский. Уже поздно, мне пора.

— Так спешишь? Тогда я провожу тебя. — Фу Синьдун потянулся за кожаной курткой.

— Машина внизу, не надо провожать... Хотя кровать дяди полицейского действительно удобная, но мне не стоит задерживаться.

Ло Си, надевая куртку, продолжал подшучивать над Фу Синьдуном.

Фу Синьдун фыркнул.

— Что, боишься сплетен? Ты же не девушка.

Ло Си уже быстро надел обувь.

— Просто мне кажется, что ты не очень любишь девушек!

Не дожидаясь ответа, он открыл дверь и, как проворный кролик, подмигнул Фу Синьдуну с нахмуренным лицом.

— Пока! Шучу, не сердись, дядя полицейский!

Дверь закрылась, и игривый, ленивый голос быстро растворился в воздухе. Фу Синьдун бросил куртку и машинально полез в карман за сигаретой.

Та же спальня, та же кухня, та же кровать, но сейчас воздух в комнате казался невероятно пустым.

Фу Синьдун сильно покачал головой, с досадой выпуская клуб дыма. Белый дым витал перед его лицом, густой, словно что-то горело.

Да, последняя шутка Ло Си, хотя и вызвала у него недовольство, зажгла его сердце, которое всё это время тревожилось.

Кажется, он уже понял, что у него на сердце!

Взгляд Фу Синьдуна скользнул по кубкам, и он вдруг вспомнил свои слова. В душе зашевелилось беспокойство.

Старый комиссар погиб уже несколько дней назад, второй жертвой стал ещё один человек, но, несмотря на все усилия его команды, они не смогли найти никаких зацепок.

Он вошёл в спальню. В воздухе, казалось, всё ещё витал лёгкий аромат Ло Си.

Он лёг на кровать, думая о том, что этот мужчина тоже лежал здесь. Его губы дрогнули, и он непроизвольно перевернулся, прижимая своё мощное тело к месту, где остался запах парня, слегка покачиваясь, словно тот был под ним.

Фу Синьдун глубоко затянулся сигаретой, заставляя себя думать о деле.

После двух убийств он всё время размышлял: если он считает, что старый комиссар знал убийцу, то кто в его кругу общения мог испытывать к нему такую ненависть.

Но ещё важнее было понять: даже если у убийцы была причина ненавидеть старого комиссара до смерти, почему он также ненавидел старого холостяка, собирающего мусор. Видимо, он тоже знал Короля старья.

И какая связь была между старым комиссаром и Королём старья, что они оба стали жертвами одного ножа.

Король старья перед смертью всё ещё думал о сексе, а старый комиссар много лет был один, никогда не слышали о его романах. Он прожил чистую жизнь. Но обоим мужчинам отрезали гениталии. Какую ненависть испытывал убийца, чтобы сделать это?

Всё это, как загадки, крутилось в голове Фу Синьдуна, пытаясь найти связь между ними.

Он открыл телефон и посмотрел на последний след, оставленный старым комиссаром в луже крови. В жёлтом свете эта линия словно превратилась в небольшую горную цепь, с разрывом между двумя пиками, как глубокое ущелье.

Эта линия образовывала иероглиф «вред» и маленький штрих. Два неполных иероглифа и неполная линия — всё это оставил старый человек, чьё тело уже было изуродовано.

Что это было, что они символизировали? Фу Синьдун смотрел на холодный серп луны за окном, долго не находя сна.

...

Воскресный день.

Если бы можно было, я бы стал твоим самым глубоким шрамом...

<http://bllate.org/book/16694/1532894>